М.С. Коляда*

МИРОВОЗЗРЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЯПОНСКИХ ВОИНОВ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (1990-2015 гг.)

В статье рассматривается история изучения культуры и мировоззрения средневековых японских воинов западными исследователями. В течение нескольких веков воины играли важнейшую роль в истории Японии. Однако при изучении связанных с ними явлений культуры японоведение долгое время сталкивалось с рядом проблем и предрассудков. На примере ключевых работ в данной области будет показано развитие науки в этом направлении за последние двадцать пять лет. По сравнению с началом XX в. к настоящему времени были сделаны переводы многих важнейших текстов, и, опираясь на известные теперь исторические данные, японоведы смогли очистить образ средневекового воина от идеологических наслоений, понять многие социальные и политические реалии существования воинов, предложить новые модели самурайской культуры и новое понимание мировоззрения воинов.

Ключевые слова: культура Японии, военные исследования, мировоззрение воинов, самураи

The mentality of medieval Japanese warriors in the western studies, 1990-2015.
MARIA S. KOLYADA (Lomonosov Moscow State University)

The article discusses how the culture and ideology of medieval Japanese warriors is represented and analyzed in the Western studies of the latest decades. Comparing to the early XXth century today many important medieval texts are translated, many historical facts uncovered, that allowed those who study Japanese history and culture to purify an image of medieval warrior from stereotypes and myths, to understand many social and political realities of the context in which the warriors lived and to suggest theories of samurai culture and mentality.

Keywords: Japanese culture, martial studies, warriors' mentality, samurai

В 1185 г. к власти пришел Минамото-но Ёри-томо, в дальнейшем основавший в Японии первое военное правительство – Камакурский сёгунат. Эта структура не замещала собой государев двор, но спустя некоторое время фактическими правителями страны стали воины, и несколько веков творцами японской истории по большей части были именно они. Воины стали героями литературных произведений, театральных пьес,

живописных свитков. Образ воина стал неотъемлемой частью японской культуры. С самого начала этот образ, как и систему символов, порожденную самурайской культурой, широко эксплуатировали в политических целях. Одна из проблем, связанных с изучением мировоззрения воинов, состоит именно в этом. Так, во времена милитаристской политики первой половины XX в. образ самурая использовался в

* КОЛЯДА Мария Сергеевна, аспирант кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: warriormary@yandex.ru

© Коляда М.С., 2017

пропаганде. Эйко Икэгами отмечает, что националисты довоенной Японии делали акцент, с одной стороны, на создании героического имиджа самураев, а с другой стороны – на их самопожертвовании, стоицизме и верности [22, р. 7]. Националисты пытались обосновать превосходство Японии, и образ самурая с теми добродетелями, которыми его наделяли, был частью этой идеологии. «На исторических примерах самурайской доблести воспитывались японцы и в XX веке. Самурайский дух становился духом нации, духом народа. Этот дух был агрессивен и нетерпим», – пишет А.Н. Мещеряков [3, с. 249]. Властью использовалось приписываемое образу самурая стремление к смерти, максимальная сдержанность в быту, верность долгу – все это было весьма кстати в трудные времена. В такой ситуации совсем не удивительно, что и западные исследователи иногда поддавались искушению найти в самурае ключ к пониманию «японского духа». Другой проблемой изучения мировоззрения средневековых воинов можно было бы считать попытки в той или иной степени перенести на японскую почву теории, которые создавались применительно к европейской истории культуры, без учета специфики японских моделей.

Что же на самом деле представлял собой средневековый японский воин? В каком мире он жил, как он мыслил, во что он верил? Японоведы искали ответы на эти вопросы, и теперь мы попытаемся осветить часть того пути, который прошла в этом направлении историческая наука за последнюю четверть века.

В западных исследованиях обычно не ведется речи о «мировоззрении самураев» в целом, достаточно редко употребляется термин «японская культура воинов». Однако представляется несомненным, что воины были социальной группой с особенной бытовой культурой, отличной от культуры, скажем, столичного чиновничества (которая во многом была для воинов желаемым и почти недостижимым идеалом), с собственным религиозным сознанием. И хотя сегодня многие исследователи считают, что средневековые воины мало осознавали себя как класс, их жизненные устремления и моральные установки, которые позже отразились в новых направлениях искусства, были также особенными. Пусть не в качестве целостного концепта, все элементы комплекса, который можно назвать «мировоззрением воина», были подвергнуты тщательному анализу в исследованиях по истории религий Японии, японской философской мысли, литературы, искусства и др.

Уже в 1918-1921 г. на английском языке выходит «Повесть о доме Тайра» (первый перевод – А. Сэдлера [29]). В 1950-х – 1970-х гг. переводятся другие великие воинские сказания: «Сказание о годах Хогэн» (перевод на английский У.Р. Уилсона [21], на русский – В.Н. Горегляда [8]), «Повесть о смуте годов Хэйдзи» (перевод на русский В.А. Онищенко), частично – «Повесть о великом мире» (перевод на английский Х. МакКаллоу [30]). Исследователи долгое время описывали средневекового воина таким, каким представлял его литературный образ. Как японские, так и западные авторы обсуждали «воина-рыцаря» в «феодалной Японии», мыслимой по аналогии со средневековой Европой. С другой стороны, существовало культурное наследие самураев позднейших эпох, поражавших воображение своей преданностью «Пути воина», *бусидо*, – пути меча, верности и смерти. В XX в. за пределами Японии стали широко известны описания этого пути в «Хагакурэ» [33]¹ и «Будо сёсин сю» (перевод У. Уилсона [34]) (XVIII в.). Не раз переиздавалась знаменитая книга Нитобэ Инадзо «Бусидо – душа Японии»², где идеалы *бусидо* описаны как сущность «японского духа». Выдающийся писатель Юкио Мисима, который умер, пытаясь в собственной жизни воплотить идеалы *бусидо*, написал пролог к «Хагакурэ» [2; 26] и показал важность этой книги для японцев времен Второй мировой войны – и этот текст также стал хорошо известен на Западе. Всё это объясняет, почему, когда вставал вопрос о мировоззрении японского воина, в ответ обычно вспоминали *бусидо*.

Японские авторы первой половины XX в. могли рассматривать воинов именно под таким углом, прежде всего, по идеологическим причинам, описанным выше. Так, Накамура Коя в «Истории Японии» 1938 г. пишет о периоде Камакура (1185-1333 гг.): «Воины этой эпохи отличались грубоватой простотой, мужеством, доблестью, преданностью, сыновней почтительностью, верностью и постоянством. Они чутко реагировали на позорящие репутацию действия, развивали в себе рыцарскую доблесть и дорожили своим добрым именем больше жизни. Они придерживались строгих и практических взглядов на жизнь, жили в скромных домах, развлекались играми, рассчи-

¹ Частичный перевод У. Уилсона был издан в 1979 г.

² Впервые изданная в 1900 г., книга перепечатывалась в 1913 г., а затем еще множество раз. См. одно из изданий: [23].

танными на развитие смелости, военной ловкости, упражнялись в искусстве атаки и обороны, тренировали себя в физической выносливости и моральной стойкости. Таким образом, твердость национального духа японского народа была возвращена и укреплена в колыбели “*бусидо*” (путь воина)» [5, с. 367-368]. Там же, в разделе, посвященном реставрации Кэмму (1333-1336 гг.), находим следующие слова: «История реставрации Кэмму и эпохи Иосино³ есть летопись доблестных усилий осуществить непосредственную власть самого Императора в соответствии с основными принципами японской национальной государственности и японского духа. На алтарь этого идеала с радостью приносили в жертву свою жизнь многие честные воины, верные духу древней благородной традиции, определявшей отношение подданного к Императору» [5, с. 372].

Во второй половине XX в. создаются работы, значительно изменившие перспективу, согласно которой рассматривались явления воинской культуры. На западе это фундаментальные труды историков, в частности – Джеффри Маса (см., напр.: [24]), раскрывавших, например, экономические стороны бытия средневековых воинов, или работы культурологов, в числе которых Карл Стейнструп, вместе с переводом новых текстов осуществлявший всеобъемлющий анализ их религиозной, социальной, политической составляющей (см., напр.: [28]).

В 1990-е годы историки японской культуры продолжают двигаться в этом направлении. Постепенно стало ясно, что мировоззрение средневековых воинов – иное, не сводимое к положениям *бусидо*, ведь его носители жили совсем в иных условиях, чем самураи времён создания «*Хагакурэ*». Появляются фундаментальные работы, в которых образ японского средневекового воина очищается от разнообразных идеологических наслоений и литературных клише. Работы, посвященные мировоззрению и культуре воинов, можно условно разделить на три категории: исследования культуры воинов какого-либо периода в целом; книги и статьи, в которых центральное место занимает анализ конкретного памятника; разборы какого-либо из элементов комплекса, который можно было

бы назвать «мировоззрением воина». Мы рассмотрим некоторые примеры для каждой из этих трех категорий.

Крупные работы, посвященные истории воинов, по сути пытаются заново построить модель воинского общества, но теперь не на идеологической основе, а на основе исторического факта. Так, Уильям Фаррис в книге «Божественные войны: эволюция военных сил Японии, 500-1300» [16] опирается на археологические данные, хроники, дневники аристократов и воинские сказания, на исследования японских и западных историков. Соотнося между собой разнообразные данные, Фаррис реконструирует процесс развития японского воинского сословия, помещая его в социально-исторический контекст. Исследователь возражает против отождествления Японии эпохи Камакура с феодальной Европой. Теория «анalogии с Западом», по мнению ученого, предполагает принципиальную разницу, разрыв между предшествующей государственной традицией (выстроенной в конце VII в. по китайскому образцу) и военным режимом сёгуната. Древнее государство распалось к 900-м гг. [16, р. 356], и в ситуации разобщенности, децентрализации родилась новая система воинского правления, основанная на личных связях вассальной зависимости. Воины получали землю в качестве платы за военную службу, а значит, Япония в 1185 г. будто бы вступила в эру феодализма европейского образца. Фаррис оспаривает эту теорию, исследуя историю военных конфликтов, государственное устройство, способы призыва войск, их состав и вооружение. Он предлагает иную, «эволюционную» модель. Суть ее в том, что воины эпохи Камакура были наследниками долгой традиции, и даже истоки их стиля сражения прослеживаются в глубокой древности. Эта модель «...отвергает противопоставление государства китайского образца и Камакурского сёгуната; вместо этого она рассматривает японское военное развитие и эволюцию самураев как результат той важности, что придавали войне Государь Тэмму⁴ и система *Тайхо*:» [16, р. 367].

⁴ Государь Тэмму правил в 673-686 гг. В его правление были проведены реформы, целью которых было модифицировать государство по образцу танского Китая. В частности, были созданы система призыва рекрутов и Военное министерство. Начинания Тэмму продолжили его преемники, и в 701 г. законодательный кодекс «*Тайхорё*» закрепил основы «правового» государства – «*рицурё кокка*». См.: [4].

³ Иосино (Ёсино), здесь – период, когда в Японии династия государей разделилась на две ветви. Один двор, в столице, поддерживал власть сёгуната Асикага, другой двор, в горах Ёсино к югу от столицы, противостоял ему. Чаше это время называют периодом Северной и Южной династий, Намбокутё (1366-1392 гг.)

Фаррис считает, что «культура всадников», которая в зачатке содержала в себе все признаки, приписываемые «самурайскому стилю сражения» (фактически – «самурайской культуре»), существовала с древнейших времен. У воинов отсутствовало классовое (сословное) самосознание, резкое противопоставление себя и своих интересов, например, интересам аристократии. В этом обществе намного более значимы были вертикальные связи, нежели горизонтальные⁵. Не было революционного слома накануне эпохи Камакура – воины были встроены в существующую систему, действовали и мыслили в ее рамках⁶. И тот рубеж, когда воины действительно получили полноту власти, не совпадает с основанием первого сёгуната⁷. Лишь монгольские нашествия 1274 и 1281 гг. дали к этому толчок, и только к XIV в. воины стали фактическими правителями Японии.

Средневековый воин периода Камакура – конный лучник, а не боец с мечом. Фаррис лишает его того романтического «рыцарского» флера, который так часто и сейчас приписывается ему массовой культурой. Средневековые воины сражаются за землю и награду, в эту пору нет и намека на «верность одному господину» не говоря уж о том, чтобы умирать за него. В военных конфликтах Фаррис видит «внутривидовую борьбу», в которой над массовой стратегией преобладает «самурайский стиль сражения» – ритуализованный поединок конных лучников, в более позднее время еще и выкрикивающих перед боем свои родословные.

⁵ И в этом можно увидеть влияние китайской философии с ее идеалами иерархии. Воин занимает свою ячейку в этой структуре, где есть вышестоящие – аристократы, и нижестоящие – крестьяне, ремесленники, и пр. В то же время и среди самих воинов есть господ и слуги, и в дальнейшем это расслоение только нарастало.

⁶ Это хорошо видно на примерах способов призыва войск, с одной стороны, и попыток узаконить свои действия – с другой. Долгое время немалая часть военной силы была все еще в руках государственных ведомств. Даже обладая военной мощью, воин все равно спрашивал у Двора разрешения на войну, он желал получить специальный указ, который делал его действия легитимными и давал право на использование государственных ресурсов. В противном случае воин рисковал понести суровое наказание, как Минамото-но Ёсиизэ, победивший во Второй Трехлетней войне (1083–1087 гг.) без санкции и без помощи Двора.

⁷ Как отмечает Дж. Масс, в эпоху Камакура общество еще смотрело в прошлое, и лишь в XIV в. с прошлым действительно порвали («чары придворных аристократов были сломлены») [25, р. 4].

С Фаррисом во многом соглашается другой автор фундаментальных работ по истории японской военной системы, Карл Фрайди. Он рассматривает не только различные аспекты военной истории, но и этику войны. Фрайди критикует взгляд Фарриса на сражения самураев как «внутривидовые» формализованные поединки, а также указывает на недостатки определения Эйко Икэгами, которое характеризует военные действия раннесредневековых воинов как «социальный ритуал смерти, чести и подсчета», а битвы – как «красочную церемонию жестокости, смерти и чести» [19, р. 167]. Фрайди замечает, что такое понимание истории воинов – во многом продукт влияния литературы: «Сказания о годах Хогэн» (*Хогэн моногатари*), «Повести о смуте годов Хэйдзи» (*Хэйдзи моногатари*), «Повести о доме Тайра» (*Хэйкэ моногатари*), «Сказания о Ёсицунэ» (*Гикэйки*), а ведь филологи уже успешно показали, что многое в этих произведениях – скорее условности литературной техники и устной композиции, нежели реальное воспоминание истории.

Подчеркивая, что воины долгое время не осознавали себя отдельной группой и придавали гораздо большее значение ассоциации с невоенным положением в обществе и «внешним» связям, Фрайди, однако, изучает различные стороны мировоззрения воинов: их понятие о «справедливой войне», важнейшие для них категории чести и стыда, «Пути лука и стрелы», отношение к пленным и отношение к не-воинам. Термин «бусидо» очень поздний, отмечает ученый в одной из статей [17], так что Нитобэ Инадзо даже думал, что сам его изобрел. Основы этого «кодекса чести» создавали самураи позднего периода, которые были администраторами и чиновниками, но не воинами, и жили в мирное время, а не эпоху постоянных войн [17, р. 340]. Средневековые воины буси были иными. Им не были свойственны стремление к смерти или личная верность господину. Их понятие чести отличалось от аналогичного у европейских рыцарей – например, самураи не видели ничего плохого в том, чтобы напасть на отряд противника без предупреждения. «Воины были профессионалами – не больше и не меньше» [18, р. 163].

Как показывает Фрайди, корни японского понимания справедливой войны лежат в китайской философии и в военной теории Китая. Согласно ее модели, праведную войну может вести только легитимный суверен и только в крайнем случае. В то же время, военные реше-

ния императора и его министров под вопрос не ставятся. Успешность войны доказывает ее правильность в соответствии с мировым космическим порядком [18, р. 21-22]. Эта модель пришла в Японию во времена *рицурё*. Право вести «праведную» войну принадлежало исключительно двору, причем практически любые военные действия двор представлял как «замирение». Когда Ёритомо основал Камакурский сёгунат, право на применение силы осталось за двором: «Первый и наиболее важный свод законов Камакурского режима, *Госэйбай сикимоку*, содержит недвусмысленное указание на этот счет: “Ни один человек, пусть даже его предки поколениями были наследственными вассалами сёгуна, не может мобилизовать войска для военной службы без соответствующего предписания”» [19, р. 162]⁸. *Буси*, сосредоточившие в своих руках военную мощь, никогда не получали права ее применять по своему желанию – во всяком случае, до XIV в. (тогда государство уже было не в состоянии отстоять свои права, и сами воины могли решать, какая война будет справедливой).

Томас Конлэн разрабатывал проблемы отношения воинов к смерти и к подвигу, награды как компенсации за усилия в бою и т.д. Конлэн перевел на английский язык и исследовал один из важных памятников XIII в. – «*Мо:ко сю:рай экотоба*», «Иллюстрированный рассказ о монгольском вторжении», а также сопутствующую документацию, которая уцелела с тех времен [15]. Свитки о монгольском вторжении кажутся нам важными и интересными кроме всего прочего и потому, что они не являются ни произведением художественной литературы, ни хроникой, их можно охарактеризовать как отчет, сообщение очевидца о битвах, в которых он участвовал, и событиях, связанных с попыткой добиться получения награды за совершенное. Конлэн использует свитки не только для того, чтобы говорить об истории монгольских нашествий, но и для того, чтобы вскрыть взаимосвязь войны, государства и религии, например, в бюрократической системе эпохи Камакура, где «письменные клятвы богам» существовали в качестве официальных документов. Он также обращает внимание на тесную связь религиозного с политическим и социальным: божественным вмешательством можно было объяснить почему события идут именно так, а не иначе, религиозные ритуалы используются для утверждения и поддержания должного миропорядка [14].

По Конлэну, смерть, даже героическая, о которой никто не знает, для средневекового воина вообще лишена смысла. Война что-то значит, когда она несет за собой признание, а подвиг – награду. Что касается господина, то до самого конца XIV в. «воины не были обязаны следовать за каким-либо господином в смерть. В действительности они вообще не имели никакого господина. <...> Величайшей заслугой, которую можно было снискать в битве, была смерть в сражении – и так было именно потому, что никто не был обязан поступать подобным образом. Несомненно, большинство воинов не хотели ни за кого умирать. Те, кто был достаточно храбр или достаточно неудачлив для того, чтобы поступать подобным образом, восхвалялись как пример для подражания» [14, р. 12].

Расхождение идеальных представлений с реальностью и их взаимодействие – одна из самых любопытных проблем, рассмотренных Конлэном. Воины XIV в. свое поведение моделировали по известным им образцам старого времени. Например, Асикага Такаудзи⁹ сопоставлял себя с Минамото Ёритомо. Популярность «Повести о доме Тайра» (*Хэйкэ моногатари*) была огромна. В «Повести о великом мире» (*Тайхэйки*) видно, как стремились воины повторять ситуации из *Хэйкэ моногатари*. Иногда это обращалось в пародию и, с другой стороны, несло в себе возможность смеяться над собственным прошлым – и через это примиряться с ним, с недостижимым идеалом [14, р. 7-9].

Среди работ историков есть и такие, что отстаивают несколько иные взгляды, отличные от концепций Фарриса и Фрайди. Так, Катарина Бломберг хотя и ищет истоки воинской культуры в древности, считает войну Гэмпэй (1180-1185 гг.) поворотной точкой в истории Японии. Согласно Бломберг, культурное противостояние воинов (*буси*) и придворной аристократии (*кугэ*) длилось веками. После смуты годов Хогэн (1156 г.) наступило время, которое Дзиэн, автор исторической хроники «Записки глупца» (*Гукансё*), назвал «вском воинов» – *буси-но ё*. В ходе противостояния воинских родов Минамото и Тайра последние становятся в некотором смысле преемниками *кугэ*, в то время как Минамото сохраняют воинскую традицию. Во времена войны Гэмпэй, по мнению Бломберг, уже формировался тот религиозно-этический комплекс, который позднее станет известен как *бусидо*. Этот идеал в те времена отражался в

⁸ См. перевод источника на русский: [1].

⁹ Основатель сёгуната Муромати (1338-1573), правил до 1358 г.

литературе воинских сказаний, *гунки моногатари*. В них впервые воин показан не как мифологический персонаж, а как отдельная действующая личность, в ритуализованных поединках прославляющая собственное имя. Бломберг рассматривает влияние самурайских традиций на японскую культуру, но в целом ее понимание воина очень близко к старому, традиционному, и она не отделяет идеологию средневекового воина-практика от идеологии мирного приверженца *бусидо* [12].

Элизабет Ойлер в книге «Мечи, клятвы и пророческие видения: создание воинского правительства в средневековой Японии» [27] отмечает, что утверждение первого военного правительства в Камакура было воплощением идеи востока Японии как нового центра. Восток традиционно был землей воинов, но в культуре бытовало постоянное стремление к столице. Сама по себе победа для воина ассоциировалась с триумфальным возвращением в столицу. Однако Минамото-но Ёритомо, одержав верх над Тайра, в Киото возвращаться не стал, основав новый центр власти на востоке. Элизабет Ойлер рассматривает различные религиозные или около-религиозные моменты культуры воинов, среди них – интерпретация снов и почитание бога Хатиман в различных текстах, а также обычай составлять *кисёмон*, письменные клятвы богам [27, р. 68].

Несколько особняком стоит масштабная работа Эйко Икэгами [22] «Укрощение самураев: индивидуализм, основанный на чести, и создание современной Японии». Исследовательница считает, что понять необычное для западного человека соотношение коллективизма и индивидуализма в Японии можно исходя из развития японской культуры, и, в частности, культуры чести. В основе своей это социологический подход: честь Эйко Икэгами понимает как сложный культурологический концепт, в котором сочетаются определенные идеи и ценности. Это чувство, которое переживается отдельной личностью, но может быть соотнесено с какой-то социальной группой: семьей, родом, нацией. Культура чести включает в себя определенные способы выражать себя: ритуальные действия, способы одеваться и вести себя и т.п. [22, р. 22-23]. При этом она обычно бывает связана с насилием, даже в случаях, когда насилие не является ее центром. В случае с Японией и конкретно самурайским пониманием чести, оно развивалось в тесной связи с изменяющимися отношениями вассальной зависимости между

воинами и их повелителями. Последние выдвигали такие моральные нормы, которые позволяли им лучше контролировать подчиненных. Самураи сделали честь основой своего собственного стиля культуры и признаком, на основании которого определяли себя как социальную группу, употребляя дефиницию «человек, имеющий стыд», *хадзи ару моно* [22, р. 50]¹⁰. И в результате самураи обогатили японскую культуру чести новыми смыслами, привнесли в нее новую богатую символику, новые нормативы и идиомы. При этом отношение к праву частного лица применять силу, которое, по Икэгами, напрямую связано с развитием понимания чести, прошло в самурайской культуре три стадии. Сначала, в XII-XIV вв., преобладает принцип, сообразно которому с обидами разбираются в личном порядке; в XV-XVI вв., в эпоху Воюющих Провинций, принято наказывать равным образом все стороны конфликта, вне зависимости от причины ссоры; и, наконец, в эпоху Токугава самураям вообще запрещается вступать в самовольные склоки друг с другом [22, р. 201-202]. Эйко Икэгами вспоминает Макса Вебера и его концепцию взаимосвязи протестантизма и возникновения капитализма и говорит, что самураи в совершенно другой культурной матрице тоже создали общество, в котором ценны были самоконтроль и нацеленность на долгосрочный результат, с благоприятной средой для развития индивидуалистического отношения, поощряющего способность рисковать [22, р. 331]. Видоизменялось государственное устройство, изменялся подход к легитимации применения силы отдельным воином, менялись экономическая структура и тип взаимоотношений между господином и его подчиненным. И в соответствии с этим менялось понимание чести. Честь средневекового японского воина базировалась на его включенности в систему подчинения и была связана с положением в обществе дома, к которому он принадлежал, *иэ* [22, р. 353].

Отдельно стоит отметить оценку работ Фарриса и Фрайди у Эйко Икэгами. Положительно отзываясь о подходе этих ученых в отношении недопустимости считать экономические причины единственным фактором, повлиявшим на возникновение самураев, она критикует их за стремление слишком редуцировать социальную составляющую этого феномена. Фаррис, по мнению исследовательницы, при построении

¹⁰ Такое самоопределение воина можно найти, например, в тексте XIII в. «Наставления господина Гокуракудзи» [9].

своей «эволюционной модели» упускает культурные различия между самураями XI–XII вв. и воинами предыдущих эпох. А между тем у этих воинов появилось групповое самосознание, что отличает их от предшественников [22, р. 55].

Авторы перечисленных работ, пользуясь социально-исторической методологией, реконструируют структуру общества воинов и процесс его развития, выясняют происхождение исследуемого сословия и причины его дальнейшей судьбы. Далее мы рассмотрим исследования более узкой проблематики, авторы которых смотрели на изучаемое произведение взглядом не только филолога или историка, но и культуролога.

Пол Варли в книге «Воины Японии как они изображены в воинских сказаниях» [32] рассматривает *гунки моногатари* с историко-культурной точки зрения, вычленив из них сведения о воинском стиле сражения, поведения, жизни. Он помещает повести в контекст иных данных об изучаемой эпохе, так что читатель может видеть, что именно в текстах сказаний – литературное преувеличение, а что, вероятно, соответствует исторической реальности. При этом сами тексты воспринимаются гораздо полнее.

Варли рассматривает последовательно ранние военные повести и более поздние произведения, в том числе «Повесть о Тайра», «Повесть о великом мире». О «Пути лука и стрелы», о понятии имени и чести Варли пишет, опираясь на «Сказание о Масакадо» (*Сё:монки*), одно из старейших дошедших до нас воинских сказаний: «Позиция традиционного воина тесно связана в *Сё:монки* с его заботой о своем “имени” (*на*) – этот термин включал в себя гордость (в том числе и *мэмбоку* – “лицо”), честь, репутацию и материальную выгоду. На ранней стадии конфликта между Масакадо и его родственниками в Канто, один из дядьев Масакадо осуждал двоюродного брата (Тайра-но Садамори) за его “дружелюбие” к Масакадо, который, как он заявлял, “убил” некоторых их родичей и украл их ценные вещи: “Он не воин. Воин должен почитать свою честь (*на*) превыше всего...”. В конце *Сё:монки* ее автор замечает, что Масакадо, несмотря на его великую клятву воина, в конце концов “потерял свою честь и разрушил свою жизнь”» [32, р. 17–18]. Варли рассматривает обычай *нанори* – выкрикивания имен, который станет очень распространенным спустя несколько веков после событий, описанных в «*Сё:монки*», а также понятие стыда. Последнее, по мнению автора книги, связано в воинских сказаниях со страхом поражения.

Воинские повести часто содержат упоминания обычая «брать головы» врагов¹¹. Смысл его, по мнению Варли, был в том, чтобы воин мог потом показать голову побежденного и получить награду¹². Однако в сказаниях описаны и иные случаи, когда головы павшим отрезали свои же товарищи, чтобы уберечь их от врагов.

Любое размышление о мировоззрении воинов рано или поздно сталкивается с необходимостью решения вопроса о характере (или даже существовании или не-существовании) вассальной верности самурая. Варли замечает, что отношения между господином и его вассалом в воинских сказаниях весьма идеализированы. Вероятно, эти сюжеты воспринимались воинами как желаемый образец [32, р. 32]. Рассматривая примеры самурайских самоубийств, в том числе таких, причиной которых было желание последовать в смерти за своим господином, Варли отмечает, что, несмотря на наличие отдельных случаев подобных самоубийств в более ранних произведениях, только в «*Тайхэйки*» это становится нормой поведения, которая ожидается от верного воина, следующего законам самурайской чести [33, р. 176].

Различные элементы воинской культуры исследуются японоведами и на материале других памятников. В рассмотренной выше работе Т. Конлэна упомянуто множество интересных моментов воинского быта, например, камакурские бюрократические обычаи.

Далее будут представлены работы, имеющие отношение именно к религиозной стороне мировоззрения воинов. Этот элемент представляется одним из важнейших и определяющих воинский взгляд на мир. Мартин Коллкат в очерке «Религия в жизни Минамото Ёритомо и раннего бакуфу» [13] ставит вопросы: во что верил основатель первого сёгуната? Был ли он просто лидером воинов, безразличным к религии? Какие религиозные концепты были важны для

¹¹ К. Фрайди тоже упоминает об этом обычае. Он отмечает, что сначала командующие по разным причинам были против этого обычая. Потом стала распространяться практика отчетов о битвах. К четырнадцатому столетию командующие выпускали приказы против взятия голов [18].

¹² Приключения Такэдзаки Суэнага, героя свитков «*Мо:ко сю:рай экотоба*» наглядно показывают, с какими сложностями приходится столкнуться воину, который голов не взял. Кроме того, в некоторых случаях отсутствие отрубленной головы могло повлечь за собой возникновение самозванцев, как это было с побежденным мятежником Минамото-но Ёситика в начале XII в. (см.: [16, р. 259]).

повседневной жизни в Камакура? [13, р. 91]. В хронике *Адзума Кагами*¹³ Ёритомо показан как человек, полагающийся на богов и будд, сознающий грешность своих деяний (деяний человека, погубившего многих людей). Согласно этой хронике, Ёритомо страстно желал добиться помощи от храмов и святилищ в провинциях Идзу, Хаконэ и Ава, причем хотел получить не только военную или финансовую поддержку, но и помощь божественных существ, включая Хатиман, Гонгэн¹⁴, Мё:дзин. Сам же Ёритомо особенно почитал Каннон [13, р. 100-101] и Лотосовую Сутру.

Автор рассматривает историю некоторых святилищ, значимых для камакурских воинов. Самое знаменитое из них – Цуругаока Хатимангу, святилище бога Хатиман в Камакура. Сначала оно было семейным святилищем дома Миnamото, но затем стало одним из главных мест почитания Хатиман в стране и, фактически, правительственной организацией [13, р. 108]. Хатиман стал почитаться как покровитель Японии. В святилище Цуругаока проводился самый большой в Камакура праздник и для воинов, и для простолюдинов: обряд отпускания на волю живых существ, *хо:дзё:-э*. «Это было сочетание буддийской поминальной службы и воинского праздника» [13, р. 111]. Праздник включал в себя состязания в *ябусамэ* – навыках езды на лошади и стрельбы из лука. Воины были обязаны участвовать в них, как и в церемониальной части празднества [13, р. 112].

В воинском обществе эпохи Камакура был распространен буддизм Чистой земли (амидаизм), сочетавшийся с почитанием Фудо: Мё:о:¹⁵, Бисямонтэн¹⁶, различных бодхисаттв и будд. Многие воины принимали новое учение Хонэ-

на¹⁷, однако даже самые ярые приверженцы Чистой земли не теряли связи с традиционными направлениями буддизма и продолжали почитать богов. Подобным же образом распространилось в Камакура и учение дзэн, правда, в основном уже после смерти Ёритомо [13, р. 119].

В книге «Врата власти: монахи, придворные и воины традиционной Японии» [10] Микаэль Адольфсон анализирует отношения воинского сословия с религиозными институтами. Миnamото-но Ёритомо приходилось экспериментировать, чтобы найти такую систему, которая могла бы сгладить отношения между храмами и воинами, напряженные из-за постоянных споров за земельные владения. Также в книге рассмотрены и дальнейшие отношения между двором, воинами и монахами.

Монография Дэвида Холла [20] посвящена истории культа богини Мариситэн (Мариши), в том числе и в Японии. Когда говорят о божественном покровителе воинов, прежде всего вспоминается имя Хатиман. Мариситэн – другая воинская богиня, в её образе важнее не замирение враждующих сторон, как у Хатиман, а победа, подавление противника в битве. После войны Гэмпэй почитание Мариситэн стало широко распространенным, а в середине XIII в. Нитирэн¹⁸ писал: «Мариситэн превосходит Сурью (Солнечного бога) и, раз Сурья – защитник тех, кто почитает Лотосовую Сутру, не следует ли отсюда, что и Мариситэн тоже защищает их?» [20, р. 200]. Работа Холла раскрывает еще одну сторону мировоззрения средневековых воинов и подчеркивает синкретичность японского религиозного сознания.

Начиная с середины XX в. от общих суждений о «японском духе» ученые перешли к конкретно-историческим исследованиям отдельных явлений культуры, от увлеченности образом воина из литературных произведений – к анализу исторического контекста. За последние двадцать пять лет многое было сделано в этом направлении. Теперь мы знаем гораздо больше о тех условиях, в которых обитал средневековый воин, и пожалуй, на него уже невозможно смотреть сквозь линзы идеологий и идеализаций.

¹³ «Зерцало Востока», историческая хроника периода Камакура.

¹⁴ Гонгэн – «измененные обличья» – боги, почитаемые как «отпечатки» будд или бодхисаттв. Мё:дзин – «светлые боги». Поскольку здесь речь идет о святынях Идзу и Хаконэ, то, очевидно, имеются в виду почитаемые там боги: в Хаконэ это прежде всего Хаконэ О:ками, то есть Ниниги-но-микото, Коноханасакуя-химэ, Хо:ри-но-микото. А в Идзу – Оямацу-но-микото и Цумихаяэ Котосиронуси-но ками. Это, однако, не единственные почитаемые в этих местах боги.

¹⁵ Один из мё:о – «светлых государей», неподвижный, защитник юга и людей, помощник подвижника.

¹⁶ Один из Ситэнно – четырех Небесных Царей, божественных воинов-защитников веры и верующих. Его направление – север.

¹⁷ Хо:нэн (1133-1212) – основоположник «исключительного» амидаизма. Согласно его учению, главное условие спасения – «памятование о будде», которое ведет к возрождению подвижника в Чистой Земле (см.: [7, с. 115-119]).

¹⁸ Нитирэн (1222-1282) – монах-основатель школы Нитирэн-сю. Это учение делало особый упор на важность в деле просветления Лотосовой Сутры.

В научный оборот введены важнейшие тексты, в том числе те, что показывают мир воина непосредственно, изнутри. И поскольку общее поле проблемы уже распалось на отдельные «поля сражений» (на каждом из которых были одержаны значительные победы), очевидно, в дальнейшем японоведы продолжат практику конкретных исследований. Возможен ли новый синтез этих разрозненных данных – синтез на новых основаниях, который своим итогом будет иметь нечто большее, чем простую компиляцию множества фактов и гипотез? Может ли философия культуры снова стать базой для этого синтеза, теперь на новом уровне? Думается, что да, однако в этом случае ответ может дать лишь время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Госэйбай сикимоку // Восточная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIII/1220-1240/Gosejbaj_sikimoku/text.phtml?id=11640
2. Книга самурая: Юдзан Дайдодзи. Будосёсинсю. Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. Юкио Мисима. Хагакурэ Нюмон / Пер. Котенко Р.В., Мищенко А.А. СПб.: Евразия, 1998.
3. Мещеряков А.Н. Быть японцем: история, политика и сценография японского милитаризма. М.: Наталис, 2009.
4. Мещеряков А.Н., Грачев М.В. История древней Японии. М.: Наталис, 2010.
5. Накамура Кооя. История Японии // История Японии. Сборник исторических произведений. М.: Русская панорама, 2010. С. 349-388.
6. Повесть о смуте годов Хэйдзи / Пер. Онищенко В.А. СПб.: Гиперион, 2011.
7. Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XIII-XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
8. Хогэн моногатари – Сказание о годах Хогэн / Пер. Горегляд В.Н. СПб.: Гиперион, 1999.
9. Ходзё Сигэтоки. Наставления господина Гокуракудзи / Пер. Коляда М.С. // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 155-182.
10. Adolphson, M.S., 2000. The gates of power: monks, courtiers, and warriors in premodern Japan. Honolulu: University of Hawaii Press.
11. Bary, T. et al. eds., 2010. Sources of Japanese tradition, Vol. 1: From earliest times to 1600. New York: Columbia University Press.
12. Blomberg, C., 2013. The heart of the warrior: origins and religious background of the samurai system in feudal Japan. London: Routledge.
13. Collcut, M., 1996. Religion in life of Minamoto Yoritomo and the early bakufu. In: Kornicki, P.F. and McMullen, I.J. eds., 1996. Religion in Japan: arrows to heaven and earth. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Conlan, T.D., 2000. The culture of force and farce: fourteenth-century Japanese warfare. Cambridge: Reischauer Institute of Japanese Studies.
15. Conlan, T.D., 2001. In little need of divine intervention: Takezaki Suenaga's scrolls of the Mongol invasions of Japan. New York: East Asia Program, Cornell University.
16. Farris, W., 1995. Heavenly warriors: the evolution of Japan's military, 500-1300. Cambridge: Harvard University Press.
17. Friday, K., 1994. Bushido or bull? A medieval historian's perspective on the imperial army and the Japanese warrior tradition. The History Teacher, Vol. 27, no. 3, pp. 339-349.
18. Friday, K., 2004. Samurai, warfare and the state in early medieval Japan. New York: Routledge.
19. Friday, K., 2006. Might makes right. Just war and just warfare in early medieval Japan. In: Brekke, T. ed., 2006. The ethics of war in Asian civilizations: a comparative perspective. London: Routledge, pp. 159-184.
20. Hall, D., 2013. The Buddhist goddess Marishiten: a study of the evolution and impact of her cult on the Japanese warrior. Leiden: Brill.
21. Hōgen monogatari: tale of the disorder in Hōgen. A Monumenta Nipponica Monograph. Tokyo: Sophia University, 1971.
22. Ikegami Eiko, 1995. The taming of the samurai: honorific individualism and the making of modern Japan. Cambridge: Harvard University Press.
23. Inazao Nitobe, 2005. Bushido: the spirit of the samurai. Colorado: Shambhala.
24. Mass, J., 1974. Warrior government in early medieval Japan: a study of the Kamakura Bakufu, Shugo and Jitō. New Haven: Yale University Press.
25. Mass, J.P. ed., 1997. The origins of Japan's medieval world: courtiers, clerics, warriors, and peasants in the fourteenth century. Stanford: Stanford University Press.
26. Mishima Yukio, 1977. The way of the samurai: Yukio Mishima on Hagakure in modern life. New York: Basic Books.
27. Oyler, E., 2006. Swords, oaths, and prophetic visions: authoring warrior rule in medieval Japan. Honolulu: University of Hawaii Press.
28. Steenstrup, C., 1979. Hojo Shigetoki (1198-1261) and his role in the history of political and

ethical ideas in Japan. London, Malmö: Curson Press Ltd.

29. The Heike Monogatari. Transactions of the Asiatic Society of Japan, 1918, Vol. 46, no. 2, pp. 1-278; 1921, Vol. 49, no. 1, pp. 1-354.

30. The Taiheiki: a chronicle of medieval Japan. Vermont: Tuttle Publishing, 1979.

31. The tale of Heiji. Harvard: Harvard University, 1969.

32. Varley, H.P., 1994. Warriors of Japan: as portrayed in the war tales. Honolulu: University of Hawaii Press.

33. Yamamoto Tsunetomo, 1979. Hagakure: the book of the samurai. Tokyo: Kondansha International Ltd.

34. Yūzan Daidōji, 1984. Budoshoshinshu. Santa Clarita: Ohara Books.

REFERENCES

1. Goseibai Shikimoku. Oriental literature. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIII/1220-1240/Goseibaj_sikimoku/text.phtml?id=11640 (in Russ.)

2. Kniga samuraya: Yudzan Daydodzi. Budosesinsyu. Yamamoto Tsunetomo. Khagakure. Yukio Misima. Khagakure Nyumon [The book of samurai: Yudzan Daydodzi. Budosesinsyu. Yamamoto Tsunetomo. Khagakure. Yukio Misima. Khagakure Nyumon]. Sankt-Peterburg: Evraziya, 1998. (in Russ.)

3. Meshcheryakov, A.N., 2009. Bit' yapontsem [To be Japanese]. Moskva: Natalis. (in Russ.)

4. Meshcheryakov, A.N. and Grachev, M.V., 2010. Istoriya drevney Yaponii [The history of ancient Japan]. Moskva: Natalis. (in Russ.)

5. Nakamura Kooya, 2010. Istoriya Yaponii [The history of Japan]. In: Istoriya Yaponii. Sbornik istoricheskikh proizvedeniy. Moskva: Russkaya panorama. (in Russ.)

6. Povest' o smute godov Heizi [The tale of Heiji]. Sankt-Peterburg: Giperion, 2011. (in Russ.)

7. Trubnikova, N.N. and Babkova, M.V., 2014. Obnovlenie traditsiy v yaponskoy religiozno-filosofskoy misli XIII-XIV vv. [Japanese religious philosophy in 13th – 14th centuries: renewing traditions]. Moskva: Politicheskaya entsiklopedia. (in Russ.)

8. Hogen monogatari [The tale of Hōgen]. Sankt-Peterburg: Giperion, 1999. (in Russ.)

9. Hojo Shigetoki, 2017. Nastavleniya gospodina Gokurakuji [The message of master Gokurakuji], Voprosy filosofii, no. 6, pp. 155-182. (in Russ.)

10. Adolphson, M.S., 2000. The gates of power: monks, courtiers, and warriors in premodern Japan. Honolulu: University of Hawaii Press.

11. Bary, T. et al. eds., 2010. Sources of Japanese tradition, Vol. 1: From earliest times to 1600. New York: Columbia University Press.

12. Blomberg, C., 2013. The heart of the warrior: origins and religious background of the samurai system in feudal Japan. London: Routledge.

13. Collcut, M., 1996. Religion in life of Minamoto Yoritomo and the early bakufu. In: Kornicki, P.F. and McMullen, I.J. eds., 1996. Religion in Japan: arrows to heaven and earth. Cambridge: Cambridge University Press.

14. Conlan, T.D., 2000. The culture of force and farce: fourteenth-century Japanese warfare. Cambridge: Reischauer Institute of Japanese Studies.

15. Conlan, T.D., 2001. In little need of divine intervention: Takezaki Suenaga's scrolls of the Mongol invasions of Japan. New York: East Asia Program, Cornell University.

16. Farris, W., 1995. Heavenly warriors: the evolution of Japan's military, 500-1300. Cambridge: Harvard University Press.

17. Friday, K., 1994. Bushido or bull? A medieval historian's perspective on the imperial army and the Japanese warrior tradition. The History Teacher, Vol. 27, no. 3, pp. 339-349.

18. Friday, K., 2004. Samurai, warfare and the state in early medieval Japan. New York: Routledge.

19. Friday, K., 2006. Might makes right. Just war and just warfare in early medieval Japan. In: Brekke, T. ed., 2006. The ethics of war in Asian civilizations: a comparative perspective. London: Routledge, pp. 159-184.

20. Hall, D., 2013. The Buddhist goddess Marishiten: a study of the evolution and impact of her cult on the Japanese warrior. Leiden: Brill.

21. Hōgen monogatari: tale of the disorder in Hōgen. A Monumenta Nipponica Monograph. Tokyo: Sophia University, 1971.

22. Ikegami Eiko, 1995. The taming of the samurai: honorific individualism and the making of modern Japan. Cambridge: Harvard University Press.

23. Inazao Nitobe, 2005. Bushido: the spirit of the samurai. Colorado: Shambhala.

24. Mass, J., 1974. Warrior government in early medieval Japan: a study of the Kamakura Bakufu, Shugo and Jitō. New Haven: Yale University Press.

25. Mass, J.P. ed., 1997. The origins of Japan's medieval world: courtiers, clerics, warriors, and peasants in the fourteenth century. Stanford: Stanford University Press.

26. Mishima Yukio, 1977. The way of the samurai: Yukio Mishima on Hagakure in modern life. New York: Basic Books.
27. Oyler, E., 2006. Swords, oaths, and prophetic visions: authoring warrior rule in medieval Japan. Honolulu: University of Hawaii Press.
28. Steenstrup, C., 1979. Hojo Shigetoki (1198-1261) and his role in the history of political and ethical ideas in Japan. London, Malmö: Curson Press Ltd.
29. The Heike Monogatari. Transactions of the Asiatic Society of Japan, 1918, Vol. 46, no. 2, pp. 1-278; 1921, Vol. 49, no. 1, pp. 1-354.
30. The Taiheiki: a chronicle of medieval Japan. Vermont: Tuttle Publishing, 1979.
31. The tale of Heiji. Harvard: Harvard University, 1969.
32. Varley, H.P., 1994. Warriors of Japan: as portrayed in the war tales. Honolulu: University of Hawaii Press.
33. Yamamoto Tsunetomo, 1979. Hagakure: the book of the samurai. Tokyo: Kondansha International Ltd.
34. Yūzan Daidōji, 1984. Budoshoshinshu. Santa Clarita: Ohara Books.